

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ДОСТАТОЧНО ЛИ МЫ ОЗВЕРЕЛИ?

Постмодернисты унаследовали идею Ф. Ницше о том, чтобы заново открыть человека, расщепить его и собрать снова, но уже по другим лекалам. Это, разумеется, целая программа. Она, разумеется, предполагает устранение абстрактной просветительской и рационалистической концепции человека. В ней предполагается отказ от идеализации человека в качестве носителя разума. «Разум не есть источник силы и уникальности человека». Но это лишь титр разборки. Далее важно собрать человека. Важно восстановить в правах его чувственность, связанную с жизнью плоти, тела, всю телесно-физиологическую сферу. Надлежит также раскрыть глубинное противоречие между сознанием и бессознательным. Следует показать обусловленность человеческого поведения языковыми детерминантами. Только на этом пути, считают постмодернисты, можно объяснить трагические события минувших столетий.

Так примерно представляют себе постмодернисты дерзновенный проект демонтажа личности. Однако речь идет вовсе не своеобразной каталогизации человеческих свойств. Важно преодолеть параноидальное стремление к выстраиванию неких иерархических соблазнов. Важнейшие ипостаси человека важно деиерархизировать. Вместе с тем отступление от ницшеанских заветов проявляется в том, что глубинной интенцией постмодернизма оказывается желание дегероизировать человека. Разве можно возвеличивать существо, которое изначально склонно к психопатии?

Почвой всех этих положений является разработка и анализ человеческой деструктивности. Не случайно американский нейрофизиолог П. Маклин утверждает, что структурные недоработки и ошибки, вообще говоря, допускаются эволюцией не так уж редко. У некоторых разновидностей насекомых и черепах голова так тяжела, что, случайно опрокинувшись на спину, эти особи уже не в силах перевернуться и обречены на гибель, подобно чудовищу из «Превращения» Ф. Кафки. Все без исключения беспозвоночные забрели в эволюционный тупик,

положивший предел развитию их нервного аппарата: нервные узлы у них размещены вокруг пищеварительной трубки и в случае дальнейшего разрастания сдавили бы ее недопустимым образом.

Человеческий мозг, — как считает П. Маклин, — тоже жертва подобного просчета в конструкции, который прокрался из-за необычайно поспешной, «взрывной» эволюции, предположительно имевшей место в плейстоцене. В ходе такого ускоренного филогенеза не успела сложиться достаточно эффективная коммуникация между «старым мозгом» (палеокортексом, восходящим к рептилиям), «средним мозгом» (мезокортексом, присущим низшим млекопитающим) и «новым мозгом» (неокортексом, специфичным для высших млекопитающих и человека). Дефект координации состоит прежде всего в том, что многие функции филогенетически новых отделов мозга дублируются филогенетически более старыми его отделами, которые заведуют не только бессознательными вегетативными процессами в организме, но вдобавок по своему «чувствуют» и «мыслят».

Что же получается? В человеческом сознании имеется как бы два независимых экрана: на один из них проецируется грубый и упрощенный абрис действительности, апеллирующий к низшим инстинктам и невербализированным эмоциям, на другом возникает более точный, детальный и адекватный образ мира. Психологическая раздвоенность, свойственная человеку, находит подтверждение в материальном субстрате — в «шизофизиологии» головного мозга. В нашей черепной коробке расположились бок о бок крокодил, лошадь и человек разумный, причем первые две твари далеко не всегда подчиняются своему господину. Напротив, они часто превращают его в своего раба: вербальное мышление подыскивает рациональные мотивировки и хитроумные оправдания примитивным аффектам.

Выходит, эволюция снабдила человека органом, которым он еще не научился пользоваться, и орган этот — головной мозг. Возможностей, заключенных в старых отделах мозга, уже недостаточно, чтобы положить предел человеческому безумию.

Запретительные инстинктивные механизмы, регулирующие внутривидовые отношения животных и предотвращение их взаимоистребление, в человеческом обществе бездействуют, тогда как аналогичные механизмы разумного характера — на уровне «нового мозга» — не выработаны.

В современных философско-антропологических исследованиях акцент ставится на проблему человеческой разрушительности. Как показывает А.П. Назаретян, во времена верхнего палеолита люди, вооруженные копьями, дротиками, повели себя — в который раз! — чрезвычайно погибельно. Они уничтожали целые стада мамонтов, строили жилища из клыков этих гигантов, не щадя их детенышей¹. Автор задается вопросом: почему животные, будучи менее развитыми интеллектуально, не устраивают себе подобных «развлечений»? Ворон ворону, как известно, глаз не выклюет. Человек же в ярости может уничтожить и слабого, и невинного. «Фишка» в том, что человек не обладает натурой хищника. Неожиданный вывод. Но в дикой природе все устроено именно так: чем сильнее животное «вооружено» и потому опасно для окружающих, тем мощнее у него инстинктивный запрет за убийство себе подобных. Что же следует из этого? А.П. Назаретян склоняется к выводу: беда в том, что мы еще *недостаточно озверели...*

Человек — единственный биологический вид, в жизни которого (из-за извращения интегративной тенденции) внутривидовые различия весомее, чем внутривидовая общность. Даже свое благословление — язык — он обращает в проклятие, в орудие вражды, с легендарных времен Вавилонской башни, культивируя лингвистические барьеры. Сегодня, особенно очевидно, насколько готовность к контактам отстает от технических возможностей коммуникации. «Шизофизиологический» раскол между разумом и чувством к тому же углубляется таким обстоятельством, как присущее человеку сознание собственной смертности. Открытие феномена смертности принадлежит «новому мозгу», отказ примириться с нею — «старому мозгу», заряженному древним инстинктом самосохранения. Столкновение обоих мотивов населило мир фантастическими призраками и суевериями.

Не случайно вопрос о разуме как фундаменте самосознания оказывается основной проблемой

современных теоретических исследований². Автор опирается на толкование безумия как исключительно неразумия, развиваемого В.А. Подорогой в ряде курсов по философской антропологии. По мнению В. Декомба, «разум должен будет измениться, утратить свою изначальную идентичность, перестать быть тем же самым разумом и превратиться в иное по отношению к иному. А иным разума является неразумие, безумие. Таким образом, ставится проблема изменения разума посредством *безумия*»³. Такое изменение предполагает достижение высшей мудрости.

Итак, общий вывод постмодернистской философии состоит в том, что попытки персоналистов выстроить идеал человека, обладающего разумом и ответственного за свои действия несостоятелен. Ни о какой индивидуальности, уникальности человека не может быть и речи. Настоящий, взятый без прикрас, человек обладает расщепленным сознанием. Он воспринимает мир как хаос, представленный бессмысленным коллажем иерархически неупорядоченных, децентрированных фрагментов. Именно поэтому он поддается не столько рационалистической рефлексии, сколько поэтическому (мифологическому) осмыслению. Отсюда типичный для философского постижения человека отказ от абсолютных истин, отказ от поиска причин и восприятие действительности как текстуализированной реальности, дискретной и фрагментарной. Деконструкция, цитация и ироническое пародирование («двойное кодирование») оказываются характерными приемами дискурса, который уничтожает границы текста, делая его фрагментом интертекстуальности. Общий вывод: человек безличен.

«Перестать быть человеком» — это метафора, указывающая на степень того, как освобождаем в себе то, что в нас от нас не зависит»⁴. Переоткрытие человека предполагает анализ того факта, что в структуре характера, а не в его филогенетической структуре мозга заложена страсть к разрушению, садизму, некрофилии. Зло в человеке глубже, чем казалось. И Батай исследует проблему зла с опорой на Юнга. Разумеется, деструктивные страсти свойственны не всем людям.

¹ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., 2007.

² См.: Голобородько Д.Б. Концепции разума в современной французской философии (М. Фуко и Ж. Деррида: контекст полемики): Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. ... канд. филос. наук. М., 2006.

³ Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 18-19.

⁴ Губин В.Д. Смерть человека и проблема философской антропологии // III философский конгресс: Рациональность и культура на пороге III тысячелетия. Ростов-на-Дону, 2003. Т. 3. С. 301.